

Яркеев Алексей Владимирович

СОЦИАЛЬНОЕ ЗЛО И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема существования социального зла, онтологическим условием воспроизводства которого автором полагается хайдеггерианское "забвение бытия", конфигурирующее всю историю западноевропейской культуры в качестве развертывания проекта технократической рациональности и социального прогресса. Тем, что может предотвращать воспроизводство зла, является социальная память, предполагающая мышление, которое помнит о совершенном зле и содействует тому, чтобы оно больше никогда не повторилось.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 212-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Деникин А. И. Консерватизм и либерализм в социально-философской мысли России XIX века: становление методологии. М.: Народный учитель, 2000. 192 с.
2. Леонтович В. В. История либерализма в России (1762-1914). М.: Русский путь, 1995. 444 с.
3. Либерализм в России / отв. ред. В. Ф. Пустарнаков. М.: ИФ РАН, 1996. 451 с.
4. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии / пер. с фр. А. М. Демьяновой; под ред. и с предисл. Е. Пашуканиса. М.: Коммунистическая академия, 1930. Т. 2: Соединенные штаты Америки. 375 с.
5. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки: в 3-х ч. М.: Типо-лит. Высочайше утвержд. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1898. Ч. 3. Политика. 556 с.
6. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1899. 810 с.
7. Яковлев М. В. Российская демократия: особенности концепта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1-2. С. 216-218.

IDEAS OF DEMOCRACY IN PAPERS OF THE RUSSIAN PHILOSOPHERS-LIBERALS OF EARLY MODERN PERIOD

Yakovlev Maksim Vladimirovich, Ph. D. in Political Sciences
M. V. Lomonosov Moscow State University
maxvuz@mail.com

The article analyzes the democratic views of the Russian philosophers M. Y. Ostrogorsky and B. N. Chicherin. The author concludes that common for both scientists is the priority of the moral and ethical development of society. As distinct from the follower of constitutional monarchy Chicherin, Ostrogorsky stood up for the political autonomy of demos. According to his ideas, the leading role in democratic process should belong to the free and voluntary associations of citizens, and government must provide backgrounds for raising their moral and ethical level.

Key words and phrases: democracy; democratization; democratic ideas; political leadership; political parties; the Russian liberal philosophy.

УДК 111.84

Философские науки

В статье рассматривается проблема существования социального зла, онтологическим условием воспроизводства которого автором полагается хайдеггеррианское «забвение бытия», конфигурирующее всю историю западноевропейской культуры в качестве развертывания проекта технократической рациональности и социального прогресса. Тем, что может предотвращать воспроизводство зла, является социальная память, предполагающая мышление, которое помнит о совершенном зле и содействует тому, чтобы оно больше никогда не повторилось.

Ключевые слова и фразы: мышление; память; зло; бытие; рессентимент.

Яркеев Алексей Владимирович, к. филос. н., доцент

Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук
alex_yarkeev@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ЗЛО И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]

Рационалистический проект Просвещения, ставший определяющим для социально-исторического самопонимания западноевропейского мира с XVII-XVIII вв., опирался на идею прогресса, в соответствии с которой каждая последующая ступень общественного развития является более совершенной, чем предыдущая. Материально-технический прогресс, как предполагалось и оптимистично внушалось, с необходимостью будет сопровождаться и прогрессом моральным, связанным с постепенным искоренением морального зла и нравственной эволюцией человека. Однако зловещие события XX в. – две мировые войны, формирование тоталитарных политических режимов, концлагеря, Холокост, изобретение и применение оружия массового уничтожения – нанесли сокрушительный удар по такому представлению: «Выявилась призрачность надежд на решительное очищение нравов, поскольку корни зла оказались более многообразными и глубокими, чем виделось издали» [7, с. 349].

Действительно, зло с тех пор только наращивает свои масштабы, принимая многообразные формы (этнические, религиозные, политические и пр.), а история, кажется, подтверждает пресловутый тезис о том, что «ничему нас не учит». Почему такое стало возможным тогда и почему это является возможным в сегодняшнем мире – «мире после Освенцима», «мире после Холокоста»? Иными словами, каковы, говоря кантовским языком, условия возможности зла, его возвращения, повторения, воспроизводства?

Настоящее социальное бытие есть *следствие* прошлого. То есть настоящее существует как след, как отпечаток, оставленный событиями прошлого. Будучи знаком прошлого, «настоящее» как «след» представляет собой социальную память. Вопрос заключается в том, готовы ли мы и способны ли вчитываться в эти мнемические знаки прошлого, то есть относиться к настоящему как к посланию из прошлого и извлекать из него важный для нашего бытия смысл? Или же мы продолжаем лить воду на мельницу того, что М. Хайдеггер назвал «забвением бытия»? Не является ли это «забвение бытия» именно тем самым онтологическим условием, которое делает зло возможным? «На самом деле, – пишет М. Хайдеггер, – история западного мышления начинается не с того, что оно мыслит о призывающем-мыслить, а тем, что оно оставляет его в забвении» [10, с. 152]. «Забвение бытия» есть то изначальное событие, которое конфигурирует всю историю западноевропейской культуры и цивилизации как развертывание проекта технократической рациональности.

С момента наступления эпохи Нового времени для субъекта технократической рациональности свойственен беспрецедентный акцент на будущем, обусловленный взглядом на историю сквозь идею прогресса. Это значит, что прошлое отбрасывается как нечто прожито-превзойденное и по сравнению с настоящим несовершенное, ущербное. Оно есть то, с чем новоевропейский субъект спешит расстаться, устремив свой взор в многообещающие перспективы светлого будущего. Несоввершенство прошлого понимается как зло, которое необходимо преодолевается в прогрессивном движении – все социальные ужасы, бедствия и злодеяния остаются в прошлом. В отношении таким образом истолкованного прошлого настоящее в качестве своего *modus operandi* использует две стратегии. Во-первых, это забвение. С позиций фрейдовского психоанализа, прошлое здесь представляет собой «травму», подвергающуюся вытеснению: «“Я это сделал”, – говорит моя память.

“Я не мог этого сделать”, – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает» [6, с. 362]. Но, образно выражаясь, выставленное через дверь обратно возвращается через форточку (травма воспроизводится симптоматическим образом как «возвращение вытесненного»). Способом преодоления этого внутреннего раскола З. Фрейд полагал необходимость осознания травматического события, то есть его реинтеграцию в сознание посредством проговаривания, речевой артикуляции, дискурса [8].

Во-вторых, это ницшеанский рессентимент – злопамятность и вытекающая из нее месть. Для «злопамятного» человека характерно вторжение мнемических следов в сознание. Как отмечает Ж. Делёз, злопамятный человек подобен собаке-ищейке, которая реагирует лишь на следы и не способна на деятельную реакцию [3, с. 237]. Воплощением коллективного рессентимента является политика реваншизма, как, например, это было в случае с Германией после поражения в Первой мировой войне.

Мстительной критике прошлого (рессентименту) и забвению необходимо противопоставить такой тип памяти, который связан с мышлением и языком. В герменевтической онтологии М. Хайдеггера память находится в глубоком родстве с мышлением: «Мышление лишь тогда есть мышление, когда оно вспоминает...» [10, с. 215]. Мышление есть то, что хранит нас в нашем существе (поскольку человек сущностно определяется как существо разумное, мыслящее); но хранить нас в нашем существе оно может лишь при том условии, что мы сами отвечаем ему тем же, то есть со-храняем его. Функция сохранения, удержания в бытии называется памятью. Мыслимое (*Gedachtes*) нуждается в памяти (*Gedächtnis*). В русском языке слова «память» и «думать» тоже являются этимологически родственными (например, «помнить» и «мнить»). При этом М. Хайдеггер отказывается рассматривать память как простую установленную психологией способность удерживать прошедшее в представлении: «“Память” означает изначально вовсе не способность запоминать. <...> Память означает изначально то же самое, что молитва, по-минование (*Andacht*): неотпускаемое, собранное пребывание при... а именно не только при прошлом, но и равным образом при настоящим и при том, что может прийти. Прошлое, настоящее, будущее являют себя в единстве всегда собственного присутствия» [Там же, с. 145]. Со своей стороны, мышление (*Gedank*) включает в себе благодарность (*Dank*). То есть мышление этимологически связывается с тем, что «дарит благо, добро». Мышление, пишет М. Хайдеггер, является высшей благодарностью, а глубочайшей неблагодарностью является необдуманность (*Gedankenlosigkeit*). Мышление «дарит» добро (благо) в качестве «памятного подарка», или воспоминания (*Andenken* в немецком языке – это и «подарок на память», и «воспоминание»).

Память как хранилище мышления охраняет то, что дано для осмысления от забвения. Греки приписывали забвению (*lethe*) силу слепого злодеяния, а истину (*aletheia* – антизабвение) понимали как способность восстанавливать провалы в памяти. Память как охраняющее и удерживающее целостность бытия мышления и мышления бытия (их тождество) является мем-браной. В латинском языке слово «мембрана» (*membrana*) означало «пергамент», то есть некий мнемотехнический инструмент. «Мем» указывает на память, поскольку *memoralis* означает «служаший для памяти», а «brana» – это пленка, оболочка. Память обладает статусом пограничного существования, маркируя границу бытия / не-бытия, поскольку, с одной стороны, присутствует в настоящем (модальность «есть»), но, с другой стороны, отсылает в прошлое (модальность «уже не есть»). Иными словами, память – это присутствие отсутствия, или бытие небытия. С внешней стороны (со стороны небытия) эта граница предстает как забвение (*lethe*), а с внутренней стороны (со стороны бытия) – как воспоминание (*aletheia*). В древнегреческой мифологии Лета является рекой забвения, отделяющей мир живых от царства мертвых. Умершие есть те, кто потеряли память. Если же душа возвращается обратно и вновь пересекает Лету, она восстанавливает все свои воспоминания.

С. Жижек вслед за Жаном Амери [11] предлагает вместо ницшеанского понятия рессентимента, как негативного выражения рабской морали, говорить о «героическом» рессентименте. Антиницшеанский героический рессентимент не имеет ничего общего с рабской моралью; он представляет собой такой взгляд, который

строится на отказе «нормализовать» преступление путем включения его в состав обычного и объяснимого течения жизни посредством классических способов реагирования на совершенное злодеяние (преступление), коими являются наказание, прощение и забвение. Такое «злопамятство» есть отказ, невзирая ни на что, идти на какой-либо компромисс, настойчивое упорствование в «беспрестанном обличении несправедливости»: «Я никогда не забуду этого!» [4, с. 146]. Героический рессентимент является единственно возможной позицией, когда мы имеем дело с таким радикальным злом, как массовое истребление людей. Три другие реакции – наказание, прощение и забвение – оказываются здесь попросту невозможными: такое чудовищное преступление нельзя ни адекватным образом покарать, ни простить, ни тем более забыть. Более того, забвение в этом случае само становится злом: «Забвение истребления является частью истребления, поскольку это также истребление памяти, истории, социального, и т.д.» [2, с. 76]. Действительно, забвение как забывание дословно подразумевает «выведение за пределы бытия», то есть уничтожение. Поэтому, подвергая забвению Холокост и его жертв, мы символически уничтожаем их повторно и, кроме того, по сути воспроизводим его условия, являемся частью того процесса, который его породил [5, с. 347].

Сущностная связь мышления и памяти является отправной точкой в рассуждениях Х. Арндт о природе зла. Известно изречение, что дети не отвечают за деяния своих родителей. По мнению Х. Арндт, невозможно говорить о коллективной вине, потому что когда виновны все, невиновен никто (более того: остальные тем самым солидаризируются с теми, кто творил зло), но можно (и нужно!) говорить о коллективной ответственности: «Есть такая вещь, как ответственность за вещи, которых ты не делал; за них можно быть в ответе. Но нет такой вещи, как вина или чувство вины за вещи, случившиеся без твоего активного участия» [1, с. 205]. В этом смысле, потомки действительно не являются виновными за совершенные злодеяния своих отцов, но они, безусловно, коллективно за них ответственны. В противном случае каждое последующее поколение как бы переворачивает и закрывает страницу истории, написанную их отцами, и начинает все с чистого листа, с *tabula rasa*, с «чистой совестью», получая тем самым некое историческое «право» на свою ошибку, свой собственный Холокост. Искупить вину отцов уже невозможно, но возможно предотвратить в будущем то, что они когда-то совершили. Ответственность здесь предполагает память о том зле, которое было совершено, и обещание, ручательство, что этого больше никогда не повторится.

Таким образом, в аспекте герменевтического подхода социальное бытие рассматривается в тождестве с языком и мышлением. Мышление как саморефлексия предполагает ретроспективное движение «возвращения» к прошлому, «воспоминание», то есть обращение к памяти, в структурах которой происходит самоопределение смысла социальной субъективности, что позволяет избежать деонтологизации социального бытия (разрушение социального смысла), конституирующегося в различных проявлениях социального зла.

Список литературы

1. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. 352 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.
3. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 393 с.
4. Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. 184 с.
5. Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2012. 388 с.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб.: Азбука, 2011. Т. 3. С. 305-478.
7. Скрипник А. Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2008. 633 с.
9. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
10. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 320 с.
11. Brudholm T. Resentment's Virtue: Jean Amery and the Refusal to Forgive. Philadelphia: Temple University Press, 2008. 235 p.

SOCIAL EVIL AND SOCIAL MEMORY: HERMENEUTICAL ASPECT

Yarkeev Aleksei Vladimirovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Udmurt Branch of Institute of Philosophy and Law of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
alex_yarkeev@mail.ru

The article considers the problem of social evil existence. The author believes that the ontological condition of its reproduction is Heideggerian “neglect of being” configuring the entire history of the Western culture as the development of the project of technocratic rationality and social progress. It is social memory, supposing thinking, which remembers performed evil and encourages that it never happens again, which can prevent the reproduction of evil.

Key words and phrases: thinking; memory; evil; being; resentment.